
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Ю.Н.Толстова

(Москва)

Настоящие замечания по существу являются дополнением к статье Т.В. Емельяненко "Методы межкультурных исследований ценностей". Цели предлагаемых дополнений состоят в том, чтобы: 1) указать некоторые опубликованные на русском языке работы, посвященные той же проблематике, но не названные в упомянутой статье (в частности, те из них, которые были опубликованы уже после поступления статьи в редакцию журнала); 2) высказать наше мнение по поводу некоторых "подводных камней", которые могут возникнуть при использовании обсуждаемых в статье подходов для изучения ценностных ориентаций населения России; 3) напомнить известные теоретические положения, стоящие за некоторыми упоминаемыми в статье методами, но, к сожалению, зачастую забываемые отечественной эмпирической социологией.

Ключевые слова: ценностные ориентации, паттерн-переменные Парсонса, оси социо-культурного пространства, ценностные типы, семантический дифференциал

Начнем с рассмотрения того факта, что в рассматриваемой статье не раз упоминается имя Т.Парсонса. Так, именно к нему восходят первые пять "ценностных дилемм" из описываемого Емельяненко опросника Тромпенаарса и др. Мы имеем в виду его схему "переменных образцов ценностной ориентации" [1] (в нашей литературе это словосочетание переводится также как "паттерн-переменные" [2, с. 104]), разработанную им при попытке рассмотрения известного теннисовского различия двух типов социальной организации (Gemeinschaft и Gesellschaft) как результирующую множества независимых переменных.

В нашей печати ведется довольно много разговоров об "общинном" характере русского человека. Соответствующие споры отражаются в публикациях самого разного жанра. Поэтому представляется довольно очевидным, что вышеупомянутые рассуждения Парсонса неплохо было бы применить к изучению ценностных ориентаций населения современной России. Тем более, что, как отмечает сам Парсонс, "исходной точкой отсчета была здесь проблема "собственно частного интереса",.. взятая как альтернатива, далеко отстоящая от всеобщего коллективного интереса в социалистическом понимании" [1, с. 91].

Однако, несмотря на то, что в последнее время появилось довольно много работ, посвященных изучению динамики изменения ценностей бывших советских людей, насколько нам известно, попыток использовать (или критически отвергнуть) теорию Парсонса эти публикации почти не содержат. Исключение составляет одна из самых значимых из числа вышедших в последние годы работ [3]. В ней нам удалось найти две ссылки на Парсонса. Обе не касаются перечня тех переменных, в рамках которых могли бы быть сформированы представления о ценностных ориентациях респондентов. Хотя в обоих случаях речь идет о том,

что, несомненно, стоило бы учитывать и социологам, и публицистам. На с. 44 авторы (точнее, обе ссылки делает один и тот же автор - Н.Ф.Наумова) напоминают о том, что Парсонс, изучая процесс формирования новой системы ценностей, пришел к выводу о том, что новая система не альтернативна старой, а носит более общий характер: новая ценность включает старую как частный случай. Во второй ссылке, на с. 139 упоминается "известная классификация Т.Парсонса, определяющая функции различных ориентаций человека". Вернемся к "паттерн-переменным" Парсонса.

Мы отнюдь не утверждаем, что парсоновские "дилеммы" полностью могут подойти для изучения нашего общества. Напротив, можно быть почти уверенными в том, что использование соответствующих положений в ситуации, сложившейся в России, требует определенной их адаптации. Об этом косвенно говорит, например, приведенная в [2, с. 104] при обсуждении парсонсовских "паттерн-переменных" трактовка термина "коллективизм". Этот термин понимается как "оценка и восприятие людей, связанные с их членством в группах, коллективах, сообществах, племенах. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кто они есть сами по себе". Нам представляется, что коллективизм в понимании русского человека означает скорее умение сочувствовать людям, сопрягать свои интересы с интересами ближнего.

Очевидно, сказанное связано с неадекватностью российской ситуации (во всяком случае, нам представляется, что такая неадекватность имеет место) традиционному сопряжению парсонсовской диффузности (восприятия партнера по взаимодействию "в целом", а не на основе учета лишь какой-то его отдельной черты, важной с точки зрения природы происходящего взаимодействия), партикуляризма (принятие во внимание лишь тех партнеров, которые обладают признаками, особо важными для воспринимающего), и аскриптивности (составление мнения о партнере на основе так называемых приписанных ему качеств, а не на основе его реального поведения или успехов) с восприятием одним человеком другого в первую очередь как члена некой "общины", само существование которой считается следствием деления общества на сословия. На наш взгляд, вряд ли для советских людей (а наша ментальность – оттуда) было специфично "сословное" мышление (подробное описание парсонсовских альтернатив можно найти, например, в [6, с. 37-39; 2, с. 104]).

Мы не хотим здесь более подробно обсуждать этот вопрос. Отметим лишь, что речь идет о необходимости широкого адекватного творческого использования классического наследия.

Приведем еще один пример, демонстрирующий такую необходимость, – пример, снова говорящий о целесообразности использования творчества Парсонса, но теперь речь пойдет не о рассмотренных дихотомиях.

Представляется, что некоторые наши исследования выиграли бы, если бы их авторы следовали логике, сходной с той, которая привела Парсонса к необходимости рассмотрения упомянутой выше теннисовской дихотомии как результата действия многих факторов (к идее многомерности рассматриваемого пространства). Так, в работе [5], где речь идет о поиске осей социокультурного пространства (в котором могут быть расположены произвольные совокупности людей), автор следующим образом подводит читателя к целесообразности трактовки одной из осей как оси "коллективизм-индивидуализм" (пространство было получено с помощью факторного анализа; известно, что соответствующие результаты практически всегда бывает очень трудно интерпретировать; такая интерпретация требует от исследователя серьезного знания проблемы и хорошей

интуиции; высказывая свои соображения, мы отнюдь не хотим принизить результаты автора рассматриваемой статьи).

Говоря об общностях, концентрирующихся на левой стороне континуума, он утверждает, что для них свойственны стремление войти в более широкую социальную структуру, активное включение в коммуникационные сети. Вероятно, этих людей действительно естественно назвать коллективистами. Общностям же на правой стороне интерпретируемого континуума свойственны предпочтение индивидуальных или узкогрупповых интересов, ориентация на собственные нужды. Вероятно, и здесь можно согласиться с автором, назвавшим этих людей индивидуалистами. Но, к сожалению, рассматриваемые в статье характеристики "левых" и "правых" общностей не ограничиваются перечисленными.

"Коллективисты" придают больший вес внешним социальным нормам и предписаниям, легко усваивают общественные мифы, являются догматиками. "Индивидуалисты" же отдают предпочтение внутренним мотивам, для них характерно максимальное самопроявление во всех сферах жизнедеятельности, они прагматичны. На наш взгляд, подобное "склеивание" столь разнородных свойств похоже на использование известных штампов. Более адекватным реальности в данном случае представляется добавление к рассмотренной оси "коллективизм-индивидуализм" еще, например, оси "степени самодостаточности" (и коллективисты, и индивидуалисты могут в разной степени руководствоваться внутренними мотивами, либо, соответственно, внешними нормами) и оси "интеллектуальности" (и те, и другие могут обладать разным уровнем интеллекта и, соответственно, в разной степени уметь отличать миф от реальности, держаться за отжившие догмы или нет). Может быть, следовало бы говорить также об оси прагматичности (это понятие можно трактовать по-разному, например, придавать ему смысл, близкий к смыслу разумного эгоизма Чернышевского).

Мы ни в коей мере не считаем свои предложения заведомо подходящими. Напротив, нам понятна сложность рассматриваемой содержательной задачи, равно как и сомнительность каких бы то ни было выводов, не базирующихся на первичной эмпирической информации (а мы основываемся только на содержании цитируемой статьи, где никакие первичные данные не приведены). Тем не менее, мы полагаем, что в нашем предложении следовать опыту Парсонса и усматривать многомерность изучаемых свойств человеческих сообществ имеется определенный смысл.

Хотелось бы высказать еще одно замечание, касающееся возможностей творческого использования российскими социологами западных теорий. Представляется, что в наших вузах не совсем удачно поставлено преподавание теории и истории социологии в том отношении, что изложение теорий "великих мира сего" обычно не сопровождается хотя бы кратким описанием тех эмпирических исследований, на которые корифеи социологии при этом опирались (а ведь такую опору имели почти все известные социологи прошлого: или сами проводили эмпирические исследования, или изучали современную им статистику, или получали эмпирические данные в рамках так называемой исторической социологии). Очень показательным примером для изучения роли эмпирии в рождении социологических теорий может служить уже упомянутая нами автобиография Парсонса [1]. Однако наши студенты в большинстве своем, прослушав курс истории (теории) социологии, даже не догадываются о том, что Парсонс проводил эмпирические исследования. Поэтому вряд ли можно надеяться, что в ближайшем будущем наша социология "переварит" накопленный

Западом опыт и, опираясь на него, избавится от тех недостатков, которые, к сожалению, зачастую сопровождают наши эмпирические исследования.

Обращаем внимание читателя на описанный в статье Т.В.Емельяненко подход Морриса и осуществленную Килби модификацию этого подхода. Важно то, что здесь респонденту предлагается выразить степень согласия не с краткими утверждениями, а с довольно пространными описаниями некоторых "способов жизни". Другими словами, здесь осуществляется переход к более мягкой методике измерения ценностных ориентаций респондента. Это очень важно, поскольку обычно используемые в традиционных жестких анкетах краткие утверждения могут пониматься неоднозначно. Исследователи это часто понимают.

Так, авторы [3, с. 148] говорят о неоднозначности трактовки одобрения или неодобрения респондентом самоубийства (вопрос звучит так: скажите, пожалуйста, Вы полностью одобряете, одобряете, не одобряете или совсем не одобряете следующие формы поведения? и далее перечисляются разные формы поведения, в том числе самоубийство). Однако это делается в очень небольшой доле ситуаций, буквально "взывающих" к этому. Не учитывается, в частности, что неоднозначность трактовки по существу говорит о многомерности восприятия респондентом.

Например, в названной работе почему-то начисто отсутствуют соответствующие рассуждения по поводу оценок респондентами других форм поведения людей, хотя упомянутая неоднозначность во многих случаях так и "светится", лежит на поверхности. Это можно сказать, например, о таких формах поведения, как уход в частную жизнь, забастовки, эмиграция, благотворительность.

Мы не будем здесь пытаться оценить причины подобных явлений. Нам важно подчеркнуть, что традиционные жесткие анкеты слишком часто дают весьма сомнительную информацию (причины этого мы тоже не будем анализировать, отметив лишь то, что одной из основных причин является многомерность восприятия респондентом предлагаемых ему для оценки объектов, о важности учета которой мы уже упоминали).

В этой связи отметим также, что одним из известных способов избежать соответствующих осложнений является использование для шкалирования каких-либо объектов метода парных сравнений (описание этого подхода можно найти, например, в [4]). Именно такой подход предлагается в упомянутой Емельяненко методике Эдвардса, которая предусматривает использование метода парных сравнений для шкалирования мотивационных тенденций.

Описание упомянутой в статье Емельяненко типологии Шпрангера на русском языке можно найти в вышедшей недавно книге [6, с. 173-178]. Эта типология тоже упоминается в связи с ее операционализацией, то есть с тем, что ряд исследователей (Олпорт, Вернон и Линдсей) предложили конструктивный способ определения того, к каким шпрангеровским типам относятся рассматриваемые респонденты. Заметим, что соответствующая методика носит характер, позволяющий избежать использования жестких анкетных методов и сопряженных с таким использованием неприятностей.

По поводу упоминания в рассматриваемой статье выделенных Ингельхартом ценностных типов, основанных на известной иерархии потребностей А.Маслоу, заметим для интересующихся читателей, что аналогичная работа была проведена для анализа российской ситуации [7].

Обратим также внимание читателя на сходство описанных в статье Емельяненко результатов Шварца с результатами, описанными в рассмотренной выше статье [5]. Это косвенно подтверждает претензию Шварца на универсальность найденного пространства. Существенное различие между упомянутыми результатами состоит в том, что в одном и том же пространстве в первом случае помещаются ценностные ориентации, а во втором – обладающие таковыми общности людей. Но это, на наш взгляд, тоже служит подтверждением той же универсальности.

Возвращаясь к уже неоднократно упомянутой нами проблеме недостатков, связанных с жесткостью традиционных анкетных опросов, отметим, что в обсуждаемой статье упоминаются такие позволяющие избежать этих недостатков подходы, как контент-анализ (Гудман, Клакхон), метод семантического дифференциала (Моррис; Баранова) и ряд других проективных методик (Тромпенаарс, Шмелев и Бабина), аксиографическая методика (Вардомацкий). Добавим, что в последнее время появились работы, содержащие описание других подходов к изучению ценностных ориентаций респондентов с помощью так называемых мягких методов (см., например, [10]).

Относительно двух упоминаний метода семантического дифференциала представляется полезным заметить, что соответствующие подходы в некотором отношении носят принципиально различный характер.

В статье Барановой речь действительно идет о семантическом дифференциале в том его варианте, который был предложен автором – Ч.Осгудом (об этом подходе можно прочитать в №7 настоящего журнала [9]). Мы имеем в виду использование коннотативных шкал. Здесь можно говорить о психологической "подоплеке" метода; об анализе субъективного смысла, связываемого респондентом с тем или иным объектом; о явлении синестезии (мышлении по аналогии); о сути тех конструктов (термин заимствован нами из другого подхода к измерению – метода репертуарных решеток, описание которого тоже было дано на страницах журнала [10]), которые лежат в основе рассматриваемых шкал и т.д.

В работе же Морриса речь идет об использовании как коннотативных, так и денотативных шкал. Поэтому соответствующий метод (в той его части, где используются денотативные шкалы), вообще говоря, не должен был бы называться методом семантического дифференциала. Во всяком случае, ни о какой психологической "подоплеке" здесь не может идти речи. Мы имеем дело просто с механическим использованием соответствующей техники. Такой подход часто применяется в социологических исследованиях. Он вполне имеет право на существование. Надо лишь корректно интерпретировать получающиеся с его помощью результаты (мы говорим об этом потому, что на практике это не всегда соблюдается).

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография//Социологический журнал, 1995. №2. С.73-94.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
4. Дэвид Г. Метод парных сравнений. М.: Статистика, 1978.

5. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве//Социологический журнал, 1994. № 3. С. 4-19.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
7. Андрееenkova А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России//Социологические исследования, 1994. №11. С. 73-81.
8. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). Учебное пособие. М.: Механик, 1996.
9. Родионова Н.В. Семантический дифференциал (обзор литературы)//Социология: 4М, 1996. №7. С. 175-200.
10. Тарарухина М.И., Ионцева М.В. Техника репертуарных решеток Дж.Келли//Социология: 4М, 1997. №8. С. 114-138.